

„УРАГАН“

Передовое искусство, которое недаром называют голосом совести и памятью человечества, на протяжении многих десятилетий страстно бичует «свинцовые мерзости» капитализма, как бы исподволь накапливая обвинительный материал для окончательного приговора истории над бесчеловечным строем — виновником неисчислимых общественных бедствий и трагедий. Под разными углами зрения даны изображения этого кровавого мелаха и его жертв. Вместе с тем есть мотив, неизменно присутствующий во всех произведениях на данную тему. Это гневный протест против стремления хозяев буржуазного общества распространить на все отношения между людьми бездушную и тлетворную власть чистогана, насаждать при ее помощи самые низменные страсти, рабские понятия и чувства.

С большой эмоциональной силой звучит этот мотив в написанной задолго до наших дней пьесе революционного китайского драматурга Цао Юй «Ураган», которая идет сейчас на сцене Хабаровского краевого театра драмы.

На первый взгляд может показаться, что название пьесы мало соответствует ее содержанию. В самом деле, какой же это ураган, если все действие разворачивается фактически в пределах одной семьи? Но в том-то и заключается обобщающая сила подлинного реалистического искусства, что, проникая в глубь жизненных явлений, оно неизмеримо раздвигает рамки непосредственно изображаемых событий, на частных будто бы факторах раскрывает важнейшие исторические закономерности, на взаимоотношениях и столкновениях отдельных образов, характеров показывает взаимоотношения и столкновения классовых сил, социальных групп.

Так и в этой пьесе. На сцене происходит долгое время назревавшая и, наконец, разразившаяся трагедия в доме богатого промышленника, шахтовладельца Чжоу Пу-юаня. Постепенно выдвигаются запутанные, болезненно надрывные, противоположные отношения между членами этой семьи. Жена «хозяина», вступившая в любовную связь с его старшим сыном, своим пасынком... Другая любовная связь между тем же старшим сыном и служанкой Сы-фын, которая, оказавшись, приходится ему сестрой... Мать, вынужденная обстоятельствами согласиться на кровосмесительный брак между этими двумя... Раскрывающаяся тайна, влекущая за собой одновременную трагическую гибель трех молодых людей... Казалось бы, чем не сюжет для пикантного зрелища с психопатологической приправой! Но ни в пьесе, ни на сцене нет и следа такой пикантности. Зритель не просто заинтригован остро разыгрываемым конфликтом. Он вовлечен в кипение страстей, имеющих серьезный социальный смысл.

Постановщики спектакля В. Смирнов и С. Плисецкая проявили тонкий художественный вкус и такт, не допустив ни в одной из мизансцен даже намека на нездоровую эротику. Любовные переживания не выпирают на передний план, они лишь способствуют более углубленной характеристике действующих лиц, их размежеванию по социально-психологическим признакам, помогают глубже уяснить идейное содержание пьесы.

Трудно вкратце формулировать идею художественного произведения. В данном случае ее можно было бы выразить так: вырождение и распад буржуазной семьи отражает коренные пороки и обреченность того общества, ячейкой которого она является.

Глава семьи Чжоу — бездушный и жестокий эксплуататор. В целях наживы он не останавливается ни перед какими преступлениями, губит сотни и тысячи человеческих жизней. В личной, семейной жизни — это такой же деспот и насильник.

Ему доставляет удовольствие сеять вокруг себя страх и уныние, испытывать на окружающих действительные своего ледяного взгляда.

Своеобразный образ человека-змея создает в этой роли артист Ю. Тройнин. Длинный, худой, с брезгливой гримасой на застывшем лице «хозяина» неторопливо передвигается с места на место и, словно яд, цедит сквозь зубы злые, обидные, жалящие слова. Изредка и нечто человеческое просвечивает сквозь змеиную оболочку, будто для того, чтобы напомнить, что не родился же он в такой оболочке, а постепенно обрастая ею, теряя в стяжательстве и насилии человеческий облик.

В доме человека-змея нет места простым и естественным чувствам, радости и веселью. Горе тому, кто попал сюда! Здесь гнездятся воров и тлен, гниль и разложение.

Печатью вырождения, душевной опустошенности отмечена жена Чжоу Пу-юаня, болезненная, близкая к сумасшествию Фань. Эту сложную роль сдержанно, с внутренним драматизмом исполняет актриса В. Соколова. Психологически верный рисунок найден также артистом П. Федченко для Чжоу Пина — старшего сына шахтовладельца. Права Фань, называющая своего пасынка бесполезным, трусливым, ничтожным человеком. Во власти противоречивых чувств и наклонностей он, как неприкаянный, мечется по жизни, не видя в ней цели и смысла.

Сложнее образ Чуна — младшего сына «хозяина». Нежным цветком, выросшим среди чертополоха, изображает автор пьесы этого доброго, престождущего, мечтательного юношу. На этот рисунок образа артист В. Кривошеев своей вдумчивой игрой как бы наносит точную штриховку, выделяя в облике Чуна черты затянувшегося детства, чрезмерной наивности, безволия, неприспособленности к жизни. Не даром так чуждается его и тяготится его ухаживанием Сы-фын — простая девушка из народа. Ведь он умеет только прекраснодушно мечтать, красиво говорить и больше ничего.

Среди показанных в спектакле жертв деспотизма и насилия, алчности и корыстолюбия есть одна наиболее жалкая и жуткая. Это Лу Ван — слуга в доме Чжоу Пу-юаня. Артист М. Воробьев в этой роли рисует внешне комическую, но по существу страшную и мрачную фигуру раба, который не только не гнушается своим положением, но раболепствует и подличает упоенно, готовый за сотню маней поступиться честью, совестью, счастьем дочери, всем на свете. Смех, вызываемый в зале выходками и повадками Лу Вана, звучит недолго. До смеха ли, когда видишь перед собой доведенное до крайней степени порабощения человеческое существо!

Но не только своей обличительной тенденцией интересен спектакль. Отрицание старого, отжившего тесно переплетается в нем с утверждением нового, свежего, мощного, что крепнет и нарастает в народе, чтобы, подобно урагану, смети с лица земли все мерзости, порождаемые эксплуататорским строем.

Высокое сознание своего человеческого достоинства, своей принадлежности к трудовому народу проносят через все испытания две замечательные женщины — Лу Ши-пин (арт. А. Кирикова) и ее дочь Сы-фын (арт. М. Афанасьева). Перья из них особенно привлекает симпатии зрителя сильным, гордым, независимым характером.

Первостепенное значение для идейного содержания спектакля имеет образ сына Лу Ши-пин, шахтера Лу Да-хая. В революционной китайской драматургии это, пожалуй, один из первых образов сознательного пролетария-борца, представителя той могучей армии труда, которая под водительством славной Коммунистической партии Китая сокрушила все преграды на пути к созданию великой свободной народной республики. В характере Лу Да-хая ярко выражена жгучая ненависть к классовому врагу, непримиримое отношение к сословию паразитов и эксплуататоров. Безбоязненно бросает он в лицо «хозяину» обвинение в злодеяниях, совершенных над рабочими. Уволенный с шахты за руководство забастовкой, Лу Да-хай с возмущением отвергает выражение сочувствия и предложение материальной помощи со стороны добряка Чуна. «Сочувствие!» — прощески восклицает безработный шахтер. — Как ты можешь нам сочувствовать? Вы — богатые, мы — бедняки».

В роли Лу Да-хая мы видели артиста В. Михайлова. Образ очерчен им довольно точно, но несколько суховато. Между тем именно в этой роли есть где развернуться артистическому темпераменту, зажигая сердца пламенным словом рабочей правды.

Наряду с другими достоинствами постановки следует отметить талантливую работу художника В. Степина. Ему, в частности, принадлежит большая заслуга в создании красочного и волнующего образа назревавшей бури, который проходит через весь спектакль. Этот символический образ, гвазанный в наш символический с охватывающей грозой революции, как бы расширяет рамки действия, придает постановке в целом, несмотря на трагический финал, безрое, оптимистическое звучание.

Зрители Виробиджана тепло приняли пьесу китайского драматурга в постановке краевого театра драмы.

Н. ФРИДМАН

Виробиджана
В. Виробиджана

125